

Советская Россия как жертва: формирование образов в периодической печати США*

Я. А. Левин¹, К. В. Беляева²

¹кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории,
права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Самара. E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

²магистрант кафедры всеобщей истории,
Самарский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Самара. E-mail: katiagrayson@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена такой проблеме, как формирование образа Советской России в американской прессе. Проанализированы несколько основных образов, использованных журналистами того времени для выстраивания в умах американских читателей определенных представлений о России. Рубежным моментом в формировании представлений о России стал пик голода, когда вместе с уже сформировавшимися образами начал активно выстраиваться новый образ – образ жертвы. Изучено, на каком материале развивается и закрепляется новый образ. На примере тяжелой ситуации в Советской России американская пресса завуалированно показывает достоинства американского образа жизни и политической системы, вместе с тем, подробно рассказывая о помощи США далекой стране, сообщает, что в этот период укрепляется положительное представление американцев о самих себе, то есть закрепляется роль России как конституирующего «Другого». Вместе с тем развивается представление, ставшее в итоге традиционным для США, связанное с разграничением государства и граждан. Советское государство не способствует положительному отношению американской прессы, во многом именно оно в её представлениях и виновато в ситуации голода. Однако советские граждане представляются невинной жертвой сложившихся обстоятельств, поэтому, описывая случаи зверств и каннибализма, продиктованные голодом, пресса вместе с тем отмечает и доблесть советских людей перед сложной ситуацией. Таким образом, складывается крайне двойственный образ Советской России и ее граждан. Для американцев это полудикое общество, населенное тем не менее преимущественно достойными людьми, оказавшимися заложниками политики преступного государства.

Ключевые слова: пресса США, общественное мнение, гражданская война в России, голод, АРА.

В американской периодической печати после революции 1917 года шло формирование сразу нескольких вариантов образа России: демонического, жертвенного, нейтрального. Изучение данного феномена актуально по нескольким причинам. Во-первых, оно необходимо как дополнение к существующим исследованиям, связанным с американскими средствами массовой информации указанного исторического периода. Во-вторых, оно может быть полезно для понимания того, на каких исторических основах формировались и продолжают формироваться российско-американские отношения.

Каждый из вышеупомянутых образов можно толковать с разных точек зрения, так как с их помощью не только помогали преподнести внутривнутриполитическую российскую ситуацию для американских читателей, но и актуализировали для них такую идейную категорию, как «большевистская опасность». В данном контексте понятие «демонический образ» включает в себя комментирование прессой тех или иных событий в России через жестокость и тиранию большевиков: именно они превратили некогда великую Российскую Империю в страну, погружающую в голод, гражданской войне и разрухе.

Жертвенный образ Советской России в прессе Соединенных Штатов Америки превалировал в 1921–1922 гг. – во время пика голода в России. По сообщениям прессы, у людей не было сил на ругань или жалобы, так как их «жизнь подобна смерти <...> – не жизнь, а одно мучение» [8]. Данный образ строился на трех основных пунктах.

В первый пункт входят, во-первых, сообщения прессы о том, что от голода страдают не только крестьяне в деревнях, но и другие слои населения. Газеты пишут: «врачи умирают с пациентами» [9]. В одной из статей «The Telegraph-Herald» рассказывается о том, как «еле жи-

вые [русские] рабочие мешают оказанию помощи» [20]. Во-вторых, газеты уделяли большое внимание цифрам – это давало возможность показать читателям, каковы масштабы трагедии. Пресса постоянно указывала количество пострадавших от голода людей: в заголовках и статьях встречаются цифры 25 миллионов [1; 6; 25] по отношению к общему количеству пострадавших людей, 45 тысяч беженцев [5] и 9 миллионов детей [16; 22]. Были и более конкретные цифры. Например, сообщалось о 8210 случаях холеры на территории РСФСР, куда вошли 48 в Симбирске и 900 в Астрахани [2]. На территории Украины – 300 [2]. Смертность в случае заболевания холерой в Воронеже достигла 50 %. В железнодорожных поездах было установлено 624 случая смерти из-за данного заболевания [2].

Второй пункт фокусировался на статистике по заболеваниям, характерным для голода. Большое количество статей рассказывает о распространении тифа, бубонной чумы, малярии (чье распространение «связанно с миграцией [населения]» [13], как и другие заболевания) и холеры. Статьи пестрят следующими заголовками: «Холера распространяется по России» [13], «У русских беженцев холера» [24], «Русская столица под ударом тифа» [23], «Тиф угрожает российскому народу» [21], «Холера, тиф, бубонная чума от Казани и Самары до Астрахани» [7].

В третьем пункте освещается проблема миграции и эмиграции, которую можно отнести к недовольству людей их нынешними жизненными обстоятельствами, связанными с действиями советского правительства. «Большой поток миграции» [13] плохо сказывался как на санитарной обстановке, так и на количестве провизии в точках основного ее потока. Со ссылкой на газету «Известия», «New York Times» рассказывала о «трех группах по 15 человек» из Сызрани, которые «горели огромным желанием эмигрировать» (к сожалению, предпочтительная страна для эмиграции не уточнялась) несмотря на то, что «городишко был в порядке и на улицах не видно трупов» [7].

Подобный подход к подаче информации поддерживал «человеческое лицо» России и ее голодающего народа, страдающего из-за бездействия своего правительства, но получавшего незаменимую помощь от стран Запада. Это позволяло простому американскому гражданину поставить себя на место простого российского гражданина и увидеть тот самый «жертвенный» образ, целью раскрытия которого в прессе было указание на плачевное состояние России и процветание Запада и его ценностей.

В связи с ужасающими условиями жизни в России, по сообщениям американских СМИ, распространялись заболевания не только физические, но и психологические – «от голода впадают в безрассудство» [8]. По словам Хаскеля, посетившего Поволжье в 1921 году, «душевное состояние в Самаре оставляет желать лучшего» [11].

Одним из самых шокирующих и видных «отклонений», о котором писали как общенациональные, так и местные газеты, был каннибализм (и трупоедство). По сообщению «New York Times» [12], первые сообщения о каннибализме на официальном уровне появились от представителя Самарской области В. А. Овсеенко. Он же сообщал, что в одном из поселений области – в Ramikovesky – «люди едят свои усопших» [12], и туда необходимо отправить какую-то охрану, так как «хоронить вблизи таких людей опасно» [12], и охраняться тела усопших должны до тех пор, «пока они полностью не разложились» [12]. Стоит добавить, что мы пришли к выводу о том, что «Ramikovesky», скорее всего, является опечаткой в газете, так как поселения с подобным названием – Рамиковеский – не существует и не существовало. Это название может быть отнесено к нескольким разным населенным пунктам в относительной близости от Самары: а) Роцинский, или Черноречье – около Стерлитамака; б) Разинский; в) Рамено; г) Рождествено; д) Рысайкино; е) Рассвет (Ставропольский край); ж) Рязанский (Ставропольский край).

По другим источникам, газеты сообщают, что матери убивали своих детей (чтобы прокормить себя и других детей), а в некоторых семьях «решают, кого съесть первым». В одном из случаев «бабушка съела внучку», а другие говорили о том, что «заманили человека в дом, [убили] и съели» [14]. На перекрестном допросе санитарка из АРА рассказала о том, как в какой-то деревеньке зашла в дом и «обнаружила за столом пятерых, сидящих вокруг кастрюли с вареной человечинной» [Там же]. Выяснилось, что они ели маленькую девочку. В другом случае мужчина убил сначала своего 10-летнего племянника, а потом и отца, после чего съел их [Там же]. Докладывалось, что «голодные русские откапывают мертвых <...>, проникают в больницы и морги за трупами» [15]. Сообщалось о торговле человеческим мясом, а также о подаче его в ресторанах [14]. При этом, писала «New York Times», «чекисты собрали много фотографий [каннибалов]» [14], которые были выставлены в Кремле. Также официальные

доклады Кремля информировали о том, что больше всего каннибализму подвержены женщины; с точки зрения национальной принадлежности каннибализмом, в большинстве случаев, «страдали» татары, чувашаи и киргизы [14].

Следующим в списке стоит факт отказа родителей от детей в голодные годы. Редко когда в семье было меньше одного ребенка, и, естественно, детей нужно было каким-то образом обеспечивать питанием. Сообщалось об отчаянных родителях, которые «подбрасывали» своих детей к детским домам или в пункты нахождения сотрудников АРА («островки безопасности») [19], так как точно знали – в этих местах их дети точно не пропадут [10]. Однако такие случаи – счастливые. В деревнях, где не было прямого доступа к сотрудникам АРА или детским домам, детей (особенно грудных) относили в леса или степи на погибель [12].

Нельзя с уверенностью утверждать, что каннибализм и отказ от детей американские газеты пытались выставить как нестабильное психическое состояние всей страны (по этой причине слово «отклонения» мы используем в кавычках). Однако акцент на этих двух «отклонениях» от нормы делался неспроста. К тому же, со ссылкой на Нансена, газета «Prescott Evening Courier» сообщала, что «[в районе Волги] каннибализм <...> ведет к психическим расстройством» [17]; про голодное время в Армении сообщалось, что «матери, сходящие с ума от вида [их] умирающих детей, бросают их в надежде на американских работников» [18]. Американскому читателю в очередной раз показывали ужасную картину Советской России и указывали на угрозу, исходящую от нее, ее народа и особенно от людей у власти. Так, например, на Гаагской конференции 1922 года о Советском правительстве было сказано следующее: «Не те людоеды, кто ест трупы из-за голода, а те, кто не отдает голодающим излишки» [14]. Это являлось отсылкой к политике военного коммунизма.

После ознакомления с российской действительностью через средства массовой информации у среднестатистического американца мог логично возникнуть следующий вопрос: если со своим населением большевики поступают таким образом, то что они могут сделать с чужим? Очевидно, что-то еще более ужасное. Это закрепляло очертания «красной угрозы» в сознании американцев.

Воздействие на формирование образа России в 1918–1922 гг. в США оказывал и религиозный фактор. Американское общество достаточно сильно зависело от религии, доказательством чему может быть, например, принятие «сухого закона» в 1919 году, в том числе под давлением протестантских организаций. Таким образом, религия рассматривалась средствами массовой информации как еще одна сфера жизни американского общества, с помощью которой можно создать имагологическую связку «свой-чужой». Ради этого СМИ могли отбросить в сторону любые противоречия между разными религиозными направлениями – католицизмом, православием, протестантизмом, лютеранством и т. д., – ведь они все являются интерпретациями христианства. К тому же, образ жертвы и жертвенность в целом являются одними из основополагающих черт христианства, что, естественно, играло на руку при создании образа жертвы России в представлении американцев.

Первое, на что стоит указать в прессе того периода, – сообщения об изъятии большевиками церковного имущества в пользу решения различных насущных проблем (в том числе и для помощи людям в условиях голода) и о негодовании по этому поводу Синода и Патриарха Московского и всея Руси Тихона, который обращался с призывами о помощи к американским и английским церквям [4].

Во-вторых, газеты сообщали, что «церковь не теряет актуальности» [3], что якобы являлось катастрофой для большевиков и «предвещает [их] ослабление, так как они – атеисты» [3]. В то время когда советское правительство предлагает изымать церковное имущество и приступает к действиям, из голодных регионов массово уходят люди в связи «со страхом голода и <...> страхом божьего воздаяния Святой Руси за грехи и неверу в бога нынешних правителей» [4].

В-третьих, стоит обратить внимание на публикацию «New York Times» статьи от 1 сентября 1921 года, в которой описывается непростая жизнь одной женщины из села Мордовская Борковка (к сожалению, ее имя в статье указано не было). На вопрос о местонахождении ее мужа она ответила следующее: «Умер три недели назад... Он сильно похудел, затем началась рвота. Доктор запретил к нему прикасаться. <...> [Когда он умер,] Я его омыла, и мы – я и дети – похоронили его. <...> Мы скоро последуем за ним» [9]. Из статьи видно, что средства массовой информации хотели указать на факт того, что семья погибшего была вынуждена сама и ухаживать за ним после смерти, и хоронить его. Это действительно могло вызвать жа-

лость у американского читателя, ведь уже в первой половине XX века в Соединенных Штатах Америки начинает укреплять свои позиции и процветать похоронная индустрия, которая сводила «общение» семьи с покойником до минимума. Это рассматривалось и пропагандировалось как некий прогресс в данной сфере, тесно связанной с религией.

Итак, после анализа и интерпретирования материалов американских средств массовой информации 1918–1922 гг. в качестве исторических источников мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, основной массив информации о России в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений можно разделить на три основных образа – демонический, жертвенный и нейтральный. Они, в свою очередь, поддерживали и балансировали на себе зарождающуюся концепцию «красной угрозы».

Во-вторых, все три образа формировались постепенно, начиная с 1918 года и раньше.

В-третьих, больше внимания пресса уделяла демоническому и жертвенному образам, так как они базировались на событиях в России, связанных с разрушением прежнего устройства страны, Гражданской войной и голодом в 1921–1922 гг. Нейтральный образ имеет лишь «сопровождающий» характер, который никак прямо не влиял на укоренение концепции «красной угрозы» в умах американских читателей.

В-четвертых, пик активности всех трех образов Советской России, большевиков и русский народ приходится на 1921–1922 гг. С одной стороны, в это время Советское государство потряс голод, который сильнее всего сказался на Поволжье и южных частях государства. С другой, в этот же промежуток времени проводится Вашингтонская конференция, целью которой было морское разоружение и решение Дальневосточных проблем, но в которой Советское государство не принимало участия, и экономическая конференция в Генуе, которую советские представители все же посетили. При этом стоит отметить, что демонический образ в основном формируется и ангажируется в 1921 году, тогда как жертвенный и нейтральный образы преобладают в публикациях 1922 года.

Список литературы

1. The New York Times. June 25, 1921. P. 1.
2. The New York Times. July 10, 1921. P. 3.
3. The New York Times. July 17, 1921. P. 1.
4. The New York Times. July 20, 1921. P. 2.
5. The New York Times. July 21, 1921. P. 2.
6. The New York Times. August 2, 1921. P. 1.
7. The New York Times. August 16, 1921. P. 2.
8. The New York Times. August 27, 1921. P. 2.
9. The New York Times. September 1, 1921. Pp. 2–3.
10. The New York Times. October 5, 1921. P. 7.
11. The New York Times. November 12, 1921. P. 6.
12. The New York Times. December 29, 1921. P. 1.
13. The New York Times. April 26, 1922. P. 2.
14. The New York Times. May 29, 1922. P. 2.
15. The New York Times. June 9, 1922. P. 1.
16. Prescott Evening Courier. February 16, 1922. P. 2.
17. Prescott Evening Courier. February 20, 1922. P. 1.
18. Prescott Evening Courier. April 7, 1922. P. 1.
19. The Telegraph-Herald. July 31, 1921. P. 1.
20. The Telegraph-Herald. August 13, 1921. P. 1.
21. The Telegraph-Herald. October 3, 1921. P. 4.
22. The Telegraph-Herald. December 23, 1921. P. 2.
23. The Telegraph-Herald. January 22, 1922. P. 2.
24. The Telegraph-Herald. March 23, 1922. P. 1.
25. The Telegraph-Herald. July 22, 1922. P. 1.

Soviet Russia as a victim: shaping images in the US periodical press

Ya. A. Levin¹, K. V. Belyaeva²

¹PhD of Historical Sciences, junior researcher at the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Social and Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

²master student of the Department of general history, Samara State Social and Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: katiagrayson@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of forming the image of Soviet Russia in the American press. The article analyzes several main images used by journalists of that time to build certain ideas about Russia in the minds of American readers. A milestone moment in the formation of ideas about Russia was the peak of the famine, when, along with the already formed images, a new image began to be actively built – the image of the victim. It is studied on what material the new image develops and is fixed. For example, the difficult situation in Soviet Russia in the American press covertly shows the advantages of the American way of life and political system, however, more telling about the US aid to a distant country, reports that in this period strengthened the positive view of Americans about themselves, that is assigned the role of Russia as a constitutive "Other". At the same time, the idea that has become traditional for the United States, connected with the separation of state and citizens, is developing. The Soviet state does not contribute to the positive attitude of the American press, and in many ways it is to blame for the situation of famine. However, Soviet citizens are presented as innocent victims of the circumstances, so when describing cases of atrocities and cannibalism dictated by famine, the press also notes the valor of the Soviet people in the face of a difficult situation. This creates an extremely ambivalent image of Soviet Russia and its citizens. For the Americans, this is a semi-savage society, populated nevertheless mainly by decent people who have become hostages of the policy of a criminal state.

Keywords: US press, public opinion, Russian civil war, famine, ARA.

References

1. The New York Times. June 25, 1921. P. 1.
2. The New York Times. July 10, 1921. P. 3.
3. The New York Times. July 17, 1921. P. 1.
4. The New York Times. July 20, 1921. P. 2.
5. The New York Times. July 21, 1921. P. 2.
6. The New York Times. August 2, 1921. P. 1.
7. The New York Times. August 16, 1921. P. 2.
8. The New York Times. August 27, 1921. P. 2.
9. The New York Times. September 1, 1921. Pp. 2–3.
10. The New York Times. October 5, 1921. P. 7.
11. The New York Times. November 12, 1921. P. 6.
12. The New York Times. December 29, 1921. P. 1.
13. The New York Times. April 26, 1922. P. 2.
14. The New York Times. May 29, 1922. P. 2.
15. The New York Times. June 9, 1922. P. 1.
16. Prescott Evening Courier. February 16, 1922. P. 2.
17. Prescott Evening Courier. February 20, 1922. P. 1.
18. Prescott Evening Courier. April 7, 1922. P. 1.
19. The Telegraph-Herald. July 31, 1921. P. 1.
20. The Telegraph-Herald. August 13, 1921. P. 1.
21. The Telegraph-Herald. October 3, 1921. P. 4.
22. The Telegraph-Herald. December 23, 1921. P. 2.
23. The Telegraph-Herald. January 22, 1922. P. 2.
24. The Telegraph-Herald. March 23, 1922. P. 1.
25. The Telegraph-Herald. July 22, 1922. P. 1.